

отвечал я: «он не будет прежде вечера». Шум умножался. Били в набат. По двору скакали конные люди. В эту минуту в узкое отверстие, прорубленное в стене, просунулась седая голова Савельича, и мой бедный дядька произнес жалостным голосом: «Андрей Петрович! Авдотья Васильевна! Батюшка ты мой, Петр Андреич, матушка Марья Ивановна! Беда! злодеи вошли в село. И знаешь ли, Петр Андреич, кто их привел? Швабрин, Алексей Иванович, нелегкое его побери!»

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. «Послушай», сказал я Савельичу, «пошли кого-нибудь верхом к * перевозу, навстречу гусарскому полку, и вели дать знать полковнику об нашей опасности».

«Да кого же послать, сударь! Все мальчишки бунтуют, а лошади все захвачены! Ахти! Вот уж на дворе. До анбара добираются».

В это время за дверью раздалось несколько голосов. Я дал знак матушке и Марье Ивановне удалиться в угол, обнажил саблю и прислонился к стене у самой двери. Батюшка взял пистолеты и на обоих взвел курок и стал подле меня. Загремел замок, дверь отворилась, и голова земского показалась. Я ударил по ней саблею, и он упал, загородив вход. В ту же минуту батюшка выстрелил в двери из пистолета. Толпа, осаждавшая нас, отбежала с проклятиями. Я перетащил через порог раненого и запер дверь внутренней петлею.

Двор был полон вооруженных людей. Между ими узнал я Швабрина. «Не бойтесь», сказал я женщинам: «есть надежда. А вы, батюшка, уж более не стреляйте. Побережем последний заряд».

Матушка молча молилась богу. Марья Ивановна стояла подле нее, с ангельским спокойствием ожидая решения судьбы нашей. За дверьми раздавались